№ 15. Цѣна 20 к., в провинц. 25 к.

Адрес редакціи и конторы: Николаевская ул., в. 26. Телефон 40—01.

Редакція и контора открыта с 10—12 дня, с 5—7 ч. вечера.

БУРЕВѢСТНИК

ОРГАН ФЕДЕРАЦІИ АНАРХИЧЕСКИХ ГРУПП.

Условія подписки.
на 1 мѣсяц . . . . 4 р. — к.
на 2 „ . . . . . 7 „ 50 „

Перемѣна адреса 40 к.

Подписка принимается в конторѣ редакціи „Буревѣстника", Николаевская 26 и во всѣх другихъ федераціи.

Подписка принимается на слѣдующую газету только с 1-го числа.

Четверг, 30 ноября. ЕЖЕДНЕВНО. 1917 год.

На поворотѣ.

То, что мы анархисты говорили и писали о судьбѣ Учредительнаго Собранія наконец совершилось.

Не смотря на всю нелѣпость его созыва оно все таки состоялось. Не смотря на то, что всякому здравомыслящему человѣку было ясна вся невозможность и абсурдность сотрудничанія большевиков и корниловцев, тѣм не менѣе все таки большевистская власть допустила до послѣдняго конца... Именно только тогда, когда опасность контр-революціи стала лицом к лицу, подошла к нимъ вплотную,—они „увидѣли" с кѣм играли.....

Каденский заговор провалился, вплоть черносотенцы арестованы, „всероссійскій хозяин земли русской"—Учредительное Собраніе, разгнанное в простое „демократическое совѣщаніе".

Нелѣпый идол, на который потрачено столько средств, грошами отнимаемых от рабочих и солдат,—обанкротился совершенно.

Потрачены — невозвратно силы и энергія тысяч революціонеров—вѣрнѣших в то, что можно путем парламентарнаго разрѣшить вопросы жизни связанные с общей ликвидаціей отжитого капиталистическаго строя эта вѣра окончательно должна потерпѣть крушеніе.

Вожди народа, вы виноваты в этом безполезном и преступном расточительствѣ сил народных, сил революціи!

Пусть это будет тов. большевикам очередным уроком, но наконец вѣхь должен же быть положен конец этим урокам. Наконец, должен, же когда нибудь трудовой народ стать на свои ноги не опираясь на „костыли" власти закона и авторитета.

Трудовой народ должен же наконец понять всю гибельность таких экспериментов, протѣлывемых надними их руководителями, отвергнуть рѣшительно тот путь строительства, который сама жизнь заклеймила, засвидѣтельствовала как сплошную нелѣпую шутку.

Мы обращаемся не к Власти, а к народу, ибо хорошо знаем, что если бы она и сама захотѣла облагодѣтельствовать трудовой народ свободами, то и тогда она ни дала бы ему ни чего кромѣ отравы.

Только та радостна свобода, которая берется в борьбѣ, только ту свободу защищают и ценят, которая покупается цѣною крови и страданій самих се борущих.

Нет, завоеваніи должны сдѣлать все люди сами на мѣстах.

Сам народ должен ликвидировать весь старый строй капиталистическаго эксплуатаціи, лишить имущія классы всѣх их привилегій и богатств, нещадно рвать с корнем язвы контр-революціи.

Эта рѣшительная борьба именно теперь послѣ крушенія большевиков с Учредительным Собраніем, когда безсомнѣнно контр-революція возвратит группировав в своих рядах всѣх обрушивших в „покойника"—должна быть безпощадна. Но эту борьбу только вырвет не сильная власть, не централизованный государственный механизм, а только энергичная работа самого народа, бросившаго вѣру в спасителей „сверху".

Дѣлайте сами что хотите вот что спасет революцію, вот что сотрет „главу змія" контр-революціи.

Контр-революція—погибнет, но, новая опасность для революціи уже надвигается она организуется во кругу Власти, Порядка и Государства.

Вот этот то подводный камень стоящій на пути революціи Во имя котораго столько было положено сил и жертв мы анархисты и ставили своею цѣлью уничожить.

Пусть „Буревѣстник" будет вѣчно и постоянно будит чєлов. общество, не позвать его не останавливаться на завоеваніи призрачных свобод, а идти в царство полной свободы, лишенной тѣх кумиров, во имя которых в прошлом и настоящем распинается человѣчество.

Пусть вся „власть" у Учредительнаго собранія пусть оно в Петропавловской Крѣпости рѣшает судьбы Россіи, а тѣм временем трудовой народ должен забирать фабрики, организовывать производство крестьяне — брать помѣщичьи земли и организовывать коммунальныя хозяйства, не признавая никаких властей, ни господ.

Бунтарь.

Парламент и законы о рабочих.

Всѣ законодательныя собранія, будь то собранія учредительныя или парламенты, или думы, ваши сидьют в законы только во, чего добились рабочіе или то, что они громко требуют и удостоились в ѣдѣ усилія того, чтобы увидѣть завоеванія и требованія рабочих. Парламент создает в ѣдѣ закона тьлько партину, которая окружает рабочих своим клѣщами китоки и не позволит ни всемѣло использовать даже сдѣланныя завоеванія. Парламенты видают такіе законы, которые такъ или иначе, но можно повернуть в пользу эксплуататоров. Это в нем нагло. Рядом можно ждать чего либо путнаго от ліи, считающихся с основами современнаго общества.

Даже в области фабричных законов парламенты не дали рабочим ничего полезнаго. Как бы ни старался ему ваш депутатскія социалистическія группы, нормированіе рабочаго дня ваш депутатскія социалистическія группы, нормированіе рабочаго дня было выровано рабочими у парламентов до появленія депутатов-социалистов на парламентских трибунах. В свою очередь и это понятно Не слаи социалистов в парламент, рабочіе подождали, что депутаты сдѣлают для них—и будучи в то времяли необходимой вѣх парламентской дѣятельности, парламент не обращал на рѣчь социал-демократических депутатов ни малѣйшаго внимания просто потому, что рабочіе смѣщенно ожидали для себя благ от парламентскаго режима.

„А что мы сдѣлали положительнаго с вошими тремя милліонами голосов?" спрашивал депутатсєй Жорес Бебель и сам же отвѣчал на этот вопрос: „вѣдь ничего, рѣшительно ничего". „Но что же мы, собственно, хотите, чтобы мы сдѣлали—спрашивал Бебель,—а сами то чего достигли своей тактикой"? И вѣрно ни французскіе, ни нѣмецкіе депутаты-социалисты ничего не достигли, да и не достигнут своим парламентским методом работы.

Слова Каутскаго — „на сколько увеличилось вліяніе социалистов в парламентѣ, на столько мало вліяніе самих парламентов"—относя не обѣзьяні безполезности парламентской „дѣятельности" депутатов-социалистов. Мало этого, вліяніе социалистов, раз только они не забывают в парламентѣ о социализмѣ, развивается чуть ли не полно, а значит самих парламентов мало пропорціонально вліянію парламента возросшей силѣ буржуазіи.

„... Парламентаризм в Германіи,—писал т. к. Либкнехт,—фактически превратился просто в болото. Трех—милліонная побѣда нашей партіи при выборах в 1903 г. не только ничего не вкинула в этом отношеніи, но еще ускорила процесс разложенія парламентаризма. Даже самое новое Прусское избирательное право Бриганом не спасло. Трех-милліонный подъѣзд прямо таки привела на сѣзд 1912 г. к торжеству правых социал-демократов.

Нельзя не удивляться, наблюдая, какое вліяніе приписывается нѣмецкіе социал-демократы своей парламентской дѣятельности. В Германіи нѣт даже закона о десятичасовом рабочем днѣ, хотя социал-демократы убѣждены, что законом этим они спасли рабочее время, хотя их депутаты в восьми в 1890-х годах неприкнатыли парламентом закон о десятичасовом рабочем днѣ, который должен был по этому закону уменьшится по 9 часов в 1894 году и до 8 ч. в 1898 году.

В Германіи, несмотря на то, что в ея парламентѣ третья часть депутатов-социалистов, существует „не рабскіе законы о домашнем присмотрѣ и не рабскіе законы".

Полная невозможность для парламента, что либо сдѣлать на пользу рабочим, не мѣшает все таки социал-демократам быть ожидателями парламентаризма. И не смотря на то, что вся работа депутатов-социалистов сводится к изданію нитчожнѣйших законов, на которые соглашаются и буржуазные депутаты, и принцы, и бездѣльники, они шумѣли о ней как нибудь.

На Ленском партеѣтагѣ А. Бебель поклонницы с Фрѣдерсгом приводит слова последняго. что „90 из тех обсуждаемых в рейхстагѣ дѣл принадлежат не касается и продолжает, по своему обычаю поверхностно сказала по вопрос, и так свобода союзов и собраній классовой характер права, полиціи парламенты не дали рабочим ничего полезнаго. Как бы ни производства, нормированіе вѣлостей, налоговая система, войско и флот, колоніальная политика, полиціи, торговая политика, злоупотребленія, мірская политика, рабочее законодательство, страхованіе рабочих, свобода промыслов и пе передвиженья, свобода сношенія мірскими типами,—при наличии этих вопросов и многих других приходят партійные члены и говорят,—„что 99 сотых вѣх, обсуждаемых в парламентѣ, не имѣют для пролетаріата никакого интереса."

Не всѣ, конечно, так безнадежно, так страшно поверхностны взгляд А. Бебель. Слова Фрѣдерсгом понятны и значат только то, что для рабочих вѣх полны от парламентской дѣятельности. Вѣдь вскими тѣми вопросами, которыми перечислил Бебель, занимлось и русское деспотическое правительство, но нечаяли сіи страшно так же, как и парламентскіе представляет какой либо дѣйственный интерес для пролетаріата. Вѣдь пролетаріи нужны не законы о свободах, союзах, собраніях и пр. а отсутствіе законов о свободах, союзах, собраніях и союзах. Не законы о войскѣ и военном флотѣ нужны пролетаріи, а уничтоженіе войска и военнаго флота, не колоніальная политика, а полное ея отсутствіе—прекращеніе колоніальнаго грабежа, не законы о пошлинах, а полное отсутствіе всяких налогов и т. д. и т. д. И не всѣ ли равно, если не отдѣлы их колѣ, пронизнутые назаренным духом мѣщанще законы.

Что далѣе за странность утверждать, что человѣк, сидящій на лавкѣ, и не знаядь, что неотрывно с ним в течении вчера-сегодня, одного часа столько же верст. Еще нелѣпѣе, когда сѣдящій на спину народа депутат утверждает, что он что то дѣлает для народа, если не говорить, конечно, о бѣдствіях или мелкіе удачных попытках затормозить творческую работу народних масс.

Сам же Бебель немного раньше, но в той же рѣчи, говорил, безспорно, что всѣ старанія А. Бебель рабочаго законодательства оказались почти совершенно тщетными, если не считать установленія третейскаго суда между служащими и хозяевами в торгово-промышленных заведеніях. Что же касается что бы всѣ суды между хозяевами и рабочими рѣшали немногіе для рабочих, то только проведеніе такого предложаго законопроекта и не позволяется Бебель. Но он еще упал сиротел, когда ему говорят, что депутаты не имѣют права голоса и дѣлѣ улучшенія положенія рабочаго класса.

Правда, они играют роль „рупора".

Даже в сравнительно незначительных рабочим вѣх смѣет рассчитывать на депутатов вообще и на социалистов-депутатов, в частности. Еще менѣе могут они разсчитывать на то, что парламент поможет им в серезных случаях.

А. Кочегаров.

ОБЗОР ПЕЧАТИ.

Гнилъ кумиров.

„Голос Анархіи", издающійся Саратовской Свободной Ассоціацій Анархических Групп, разсказывает гнилъ социалистическаго правительства.

„Вѣковѣчно и незнарожное отчаяніе охватывает душу, когда читаешь и разбираешь всю грязь и клевету, которую старается вылить дуг другу на голову очередные „вѣрные товарищи". Грязны партій идет в осенну фронду, каждая старается вырвать по клоку у другой этот жирный замачивый итог власти. Власть. Власть и снова Власть".

Это она мутит им сознаніе—писал в сѣдующей истории.

„Жалкіе, несчастные люди! Посмотрите циферблат... рабочіе партій не видят или старяются не видѣть могучаго народнаго творчества. Народ в экстазѣ революціонного вдохновенія начинают создать новые устои жизни. Начинающуюся великую социальную революцію, которой неудержимым пожаром сужденно охватить весь мір, они, эти карлики, мнящіе себя великанами, стараются обратить в пошлую комедію партійной борьбы за власть"!

Фракціонное двоичество даже мирных рабочаних масс.

„Оставьте, закричать на что вы ни стали, неудержимое стремленіе народних масс к полному освобожденію—вот что для них является вопросом жизни и смерти данной минуты.

„А народ, этот истинный „вечный—дитя" глухо волнуется.

Послѣ многолѣтній каторжной ночи, он начинает распрямлять свою согнутую спину. Но сверкнувшія один кумир, он выбрасывает с себѣ другой, чтобы завтра же разбив вдребезги этот второй, поклонится третьему. Итак без конца! Кумиры, кумиры, кумиры!"

Вмѣсто освобожденія идут новыя цѣпи. Правители мѣшаются, но ѣковое рабство все так же царит.

И „до тѣх пор, пока не вырвется с корнем капиталистическій строй, не увеличивайте количества ваших бед посѣв—вы не будете свободными".

Ибо **Свобода не по пути кумирам.**

Безпринципность маркизм.

Трудно сѣбѣ вообразить что-либо болѣе неустойчивое, чѣм большевистскія опѣнки. Вся их пресса ежедневно пишется. Она то изменяется, то характерует...

Вчера лишь Учредительное Собраніе становилось под вопросительным знаком. Его желательность казалась сомнительной. Сегодня же „Рабочій и Солдат" снова мѣняет фронт.

Вчера „революціонная демократія, группирующаяся вокруг Сѣвѣтскаго Правительства серьезно и добросовѣстно относится к Учредительному Собранію.

Всѣ остальныя партіи именно тогда—вчера—врачали о том, что громкими фразами стараются прикрыть свое лакействѣ отношеніе к нему".

Итак большевики вновь являются подлинными друзьями Учредительнаго Собранія. Это их вновь не мѣшает планомѣрно поднимать его авторитет и глазах масс. Это сознѣтельно с тѣрдым постоянствѣм тѣх же масс проводится в жизнь.

Как так? Что произошло за эти нѣсколько часов? Какія перемѣны произошли в „моментѣ"?

„Напрасно может это—вновь—казаться, авантюристамъ разрушителям с другой стороны. Такім тогда участвовать в **Учредительном Собраніи.** Сторонникам безпощадной борьбы с буржуазіей—так по мѣсто. Как же дѣти засѣдать парламѣнт с представителями капиталіз, и не только засѣдать, но и спорить и... **соглашаться.**

Пусть сѣдѣ с непримиримостью! Поскольку характерной чертой большевистскаго мышленія является противоположность, то сѣдует искать глубинъ, в законом образом противопоставить путем в компромиссам.

Не учредительная рѣшать вопросы бы стояли перед собранием, а только вопросы, не сводящіеся к ним. Вопросы о мірѣ, о войнѣ, о земѣлѣ, о рабочем контролѣ, о передачѣ власти в рабочих.

Но по полной отмѣнѣ частной собственности на средства производства большевикам далеко... Такого рода требованія не ставятся и декретах партіи ни же—какого состоя.

Межклассовая перемирія.

Путем блока с ея врагами пытается на поражение большевиков, а в спин с этим и на спину контров с мірѣ, и проч.

„Новая Русь" утверждает в тѣм, что наше сознаніе—это не идеалистических предѣлах. Оно на идеалистических предѣлах живет „Апокалипсисе конец мірѣ" Ленинского режима.

„Не надо быть пророком, чтобы предсказать, что на Учредительном Собраніи Ленин окажется сѣбѣ голой".

„Оппозиционеры его количества" видят в конкрѣтной реставрации спасеніе имущих.

„Ждать остается недолго: лишь только создатели толпы разочаруются в большевиках, которым их обѣщаны (а они и теперь на исходѣ первого мѣсяца большевистскаго господства, начинают разочаровываться) путь для зубящаго загона будет расчищен... Так будет. При настоящем положеніи вещей это почти неизбѣжно".

И этих черносотенцев большевики Учредилки ставят по-ге-ѣ-бѣ-ждать... *).

Совѣщаніе корниловцев.

Та же „Новая Рѣчь" проводит **Выроѣденіе капиталистов.**

Сильное обѣщаніе прислать в ней рожденія народное представительство, которое, по сѣмым его словам, должно будет „выработать проект аграрной реформы, который и должен быть положен в основу аграрного законодательства".

Законопроект этот должен быть выработан в самом скорѣм времени, так как, по словам „Новой Рѣчи", „ждать нельзя, ибо крестьяне не могут терпѣть дальше".

Законопроект этот должен быть выработан в самом скорѣм времени, так как, по словам „Новой Рѣчи", „ждать нельзя, ибо крестьяне не могут терпѣть дальше".

*) Большевики должны, в конѣчном счетѣ, вернуть власть в руки Временнаго правительства, которое и передаст ее Учредительному Собранію.

дней крови со стороны—путем брака со знатными; путем связи со стороны от аристократической дамы; и, в ряде случаев, вероятно, и путем прямого, и иногда и более духовную жизнь (он) часто воспитывает детей, в Америке, например, никто читать не может, кроме как в домах эксплуататоров, а не этими последними, довольствующимися в большинстве случаев более простого газет). Богатство имеет в настоящее время и то значение, что покупает жен, и женщины являют физического брака ради богатой. Не менее важное значение имеет относительно быстрое накопление крупных состояний в руках отдельных лиц, в ущерб массе, и отдаленными родственниками. Занятие всевозможными видами спорта подвергает в некоторых случаях даже самых богатых людей *). Серьезную опасность для этого слоя представляет и возможность вести здоровый образ жизни, но все это безсильно предохранить богачей от нравственного и умственного падения.

Большое значение бросает богатство и на жизнь массы людей: без-конно вредно, например, утверждение, что сифилис свивает свое гнездо в городской работе среде; известный сифилизолог М. Трипьеский указывает, что сифилис был крайне редко встречен как раз в богатых классах общества и это несмотря на всю распутность.

Богатые заставляют богачей добиваться к алкоголю и таковым наслаждаться, что страшно разстраивает их нервную за систему и это-тем легче, что богачи имеют полную материальную возможность предаваться этим пагубным привычкам. „У людей состоятельных алкоголизм свирепствует много больше, чем у бедняков", говорит профессор Форель.

Сколько здоровых детей из богатых семейств превращаются в идиотов, в сумасшедших, в людей, жизнь которых поддерживается медициной и строгим соблюдением требований гигиены, но которые не способны ни на умственный, ни на нравственный подвиг. Сколько спортсменов, не вспоминаемых в попытках убить время спортом, захватывающем разумом, путешествии и теряют все это получили от природы или приобрели в юности, бла-годаря физическому и умственному труду, сделались ничтожествами. Просто-братеск к жизни хотя бы студентов из богатых классов общества и он удивляется тому, что профессор Ольденберг, тому несерьезному отношению к занятиям, которое наблюдается среди этих студентов, и создались у нас привилегированные для высших заведения, для сконцентрирования курса в которых требовалось не знания, а политическая благонадежность и связи с сильными мира сего.

Как редко встречаются среди богачей люди, проникнутые идеями любви к человечеству, так часто как обычны в их рядах не двоюродные братья, как часто в своих поколениях. И тем не менее проникнутые идеями истинных инстинктами люди, для которых чужда и непонятна человеческая рѣчь, которые воспринимают окружающую их жизнь только инстинктивными инстинктами и страстями.

Понятно, что „купец, фабрикант, банкир, биржевик и крупный землевладелец не имеют времени чтобы посвятить себя науке и искусству, для последнего они слишком очень много. В настоящее время отчасти нельзя сказать, что таинственный богач напрягает свои усилия для того, чтобы получить не больше и больше дохода или, по крайней мѣрѣ, для того, чтобы получать прежний доход. Современный богач напоминает лиц, занятых приращением его доходов, или покупает ренту, облигации, акции вносит деньги в банк и т. д. Он действительно живет, как говорит Пословица—деньги идут к деньгам—никогда так блестяще не оправдывалась, как в настоящее время.

И тот „чрезвычайное богатство особенно переходящее из рода в род, — говорить доктор Ольденберг,—несет с собою также много опасностей для жизни и здоровья, рассказал богатых и праздность, чувственность и невоздержность (по кн. Л. Бутка.)

Замѣтим еще, что пресыщение часто наблюдается у богачей и, конечно, не является показателем их высокого нравственного уровня.

Но и полу-богаи, стремящийся к большому богатству, находится с точки зрѣнія нравственного и умственного падения, не в лучшем положении, чѣм богач бездѣльник. Судьба этих хищников не менѣе ужасна. Можно даже сказать, что дѣятельность, сводящаяся к накоплению богатств, опустошительно отражается на умственном уровнѣ человѣка, ведет к бездѣлью богачей. Такое явленіе выступает наиболѣе ярко в том случаѣ, когда человѣк поднимается от относительной бѣдности к большому богатству. Маудсли и своей „Физіологіи и патологіи души" указывает, что такія лица не только становятся безсердечными эгоистами, но и на то, что их первая система дѣятельности настолько непорчальной, что третье поколѣніе, происходящее от такихъ людей, состоит из идіотов, и тогда быстро прекращает свое существованіе. Среди людей психіатров находится большой % психическихъ больных богачей. Процентовые списки больных любопытно показывают, что такіе люди, вы поразитесь той дальнозоркости, которую платят богачи сумашествію.

Нѣт ничего удивительнаго, что люди, поглощенные лихорадочной дѣятельностью, не имѣющіе только нажиту, разстраивает свои духовныя силы. „Не в гимназіи и академіях собираются они,—пишет К. Каутскій,—не на биржах и рынках; спекуляціи, которых их занимают, отнюдь не требуют понятіям об истинѣ и справедливости, но к шерсти, водкѣ, рус-ским займам, португальским купонам. Может быть, только и способствуют известному успѣху. Все истинная социальная жизнь и все справедливость современнаго строя—умственная жизнь всѣх тѣх, которые только берут у общества богатства и не приносят ему ничего взамѣн (К. Каутскій).

Людям считают „паразитами" бѣдные нашего вѣка.

*) „Гранд фетюзаціи, бокс, футбол, так рѣшительно теперь, что имѣют очень плохое укрѣпленіе жилов бойцами, замѣшавшійся в собственном жиру". (К. Грав).

**) Говорь о том уважении, которым пользуются у здоровых рабочих инвалиды-практикующие-студенты, заводской же рабочій т. Тимофеев прибавляет:—„почему то у нас рабочіе-инвалиды, которые сами прошли такую школу труда, „уже не стоят участія и хлопот". (Стоит К.-скій!!!), такая сказанія не всегда сбываются".

А. С.

Нѣчто о мирѣ.

Наша буржуазія постоянно твердит: „какой народ народ желает заключить сепаратный мир, как и наши дѣлим стадно будет отвѣчать народ изнеможенный, истощенный голод изнасрованы, что мы русские".

Да, это они так думают, они которые всю свою жизнь, если угодно, только об увеличеніи своих капиталов. Свои золота заботливо прячут они в сундуки и подземелья, любовь к ближнему и даже любовь к Россіи, т. к. если они и любят Россію, то только капиталистическую. Но лишь поймут они, что их барышам приходит конец, что их доходам угрожает их богатству, они отказываются от своей родины, готовы ее продать, растлили воздушно-туманные замки. Рухнули мір вымысла, мір лжи и обмана, мір научной мнеологіи, мір научной сказки. Прозвѣлся умственный голус—вокус—да и только. В остальном все осталось по-старому.

Интелл. У вас такое легкое отношеніе к дѣлу. Ваша душа так вѣлика, ни одной трещины в ней нѣт. Ваша душа так сѣльна, как бутылка из-под пива.

Анарх. Это уж мнѣ не в диковинку. Дѣв культурныя революціи, пережил я и на обоих вышел торжествующим побѣдителем. В ранней молодости сгорѣвши к богу бога—так пустынно—пусто одиноко-заброшено чувствовал я себя в этом мірѣ. Но недолго это продолжалось: „дай-сюда" во мнѣ скоро взял верх. Вот поэтѣ, дѣлая вторую революцію, я уже был вооружен знаніем... Знаешь что, вѣдь это все глупость—говаривал я ему— если бы существовала бы, и мы бы дѣлали на него покушеніе, убили бы, безсомнѣнно погиб бы, но так как мы его отрицаем, говорим, что его никогда не было, то так мір рухнуть от этого не может. Ибо как от существо-зал с начала безконечных времен дотолѣ без бога, так и будет существовать и впредь, какія времен ни были бы бога. Это, говорил, может служить отѣтом и на наши опасенія!

Интелл. Я вас не понимаю.

Анарх. Вѣдь это то же самое. Если бы была „природа", прибавишь, а мы бы ее уничтожили, мір сошлись, что мірозданіе рухнуло бы, но так как говорим, что „природы", законообразности, причинности никакой и не было, то ничего, никакого вѣда так умнем не остается, ибо нѣт существовал досѣлѣ, так он существует сейчас и будет существовать впереди.

Интелл. Так по—вашему ничего такого не произошло и впредь не произойдет, значит мы не оказаете от отрицанія науки никаких существенных измѣненій в жизни человѣчества.

Анарх. Конечно, нѣт и нѣт. Все останется по-старому, за исключеніем единичных случаѣв. Способность же, к-ая это бездѣлье и науку сдѣлает достоинем масс и многих творческих личностей, то произойдет коренная ломка всей нашей жизни. Но в особенности эта культурная революція отскоро пая в общественной жизни. Там произойдет что то колоссальное, небывалое. **Парламентаризм** с его многопартійностью, которой служит выходѣлом или ничтожествам, словом, все это безусловно и мгновенно-безсмѣнно пойдет на свалку, замѣнишь одним общественностью-стом, социальной техникой (социотехникой). Вмѣстѣ с ним и будет сдана в архив политика реформ и полумѣр, полумѣчи и топтанья на мѣстѣ, альфа и омега (начало и конец) современной злостью-ности и обмана перед—постепенностью, с-ая является психологія, воспѣваемая громким именем „позитивизм". Умственная лѣность означает смерть социалистическаго марксистскаго обмана, обмана „**Капитал** будущаго". Смерть науки это конец буржуазному утилитаѣльскому обману, на котором только и держится буржуазный мір, мір слез и крови.

Величественный, всеразрушающій, и всесозидающій, в то-же время всепересоздающій будет эта **Культурная Революція**. Вверхъ всѣ низ-ринется, низ станет верх, сдѣлается коренное разложеніе. Их число будет несчѣтно, безконечно, как песчинки в океанѣ, но ни одна изъ этой культурной революціи) **физическая революція.**

Интелл. В этом мѣстѣ я совершенно не разбираюсь. Вы ни-чего интересного здѣсь не увидите, так что вы лишь будете напрасно

Собственность — воровство.

Не только земля и фабрики, и дома, но всѣ справедливости должны принадлежать не капиталистам, а всему народу.

Возражения против передачи фабрик в народ должны быть народное достояніе, это—обычныя возраженія против отобранія у капиталистов любого имущества—земли и фабрик, в том числѣ.—Это всѣ возраженія ни кого-нибудь собственников-богачей, но обездоленных.

Любопытно и то, что высшіе классы, отбирая у трудящихся все их имущество, отнюдь не считают свои поступки плохими и когда у них хотят взять имущество, они возмущаются. Так Екатерина II, Павел I и другіе царя и императоры не стѣснялись дарить своим приближенным людей — крестьян, из крестьянскіе земли, дома, все имущество отобранное у крестьянам представителей своего страны.

Они говорят о долгѣ-то, разве долгах банкиры и наши „деловики" исполняли когда либо свой нравственный долг перед народом когда для них это было не выгодно?

Нам говорят о договорах с помѣщиками по разѣ народ их как нибудь, разѣ народ имѣл какіе договоры наши прежніе правительства заключали?—Если бы даже народ, в момент захвата рассудок и заключал эти кровавые договоры и потом, опомнившись и обѣщаясь всю ужас своего дѣйствія, он должен бы порвать эти позорящіе его договоры. Наши правители, договаривались, что кому будет принадлежать, после войны не задумаются, и могут ѣхать здѣсь и здесь сотни тысяч человѣческих жизней. И народ должен об этом думать и не имѣет права. жертвовать тем или иным жизнь, чтоб они дали здоровья своего брата.

Русскій народ только тогда может сѣбѣ смотрѣть иностранцам в глаза, когда будет знать, что не повинен в том, что немог прекратить этой проклятой бойни и что все сдѣлал, чтобы указать нашим соотечественникам путь ведущій их буржуазным правительства.

Воиковскій.

Нѣчто о мирѣ.

Наша буржуазія постоянно твердит: „какой народ народ желает заключить сепаратный мир, как и наши дѣлим стадно будет отвѣчать народ изнеможенный, истощенный голод изнасрованы, что мы русские".

Да, это они так думают, они которые всю свою жизнь, если угодно, только об увеличеніи своих капиталов. Свои золота заботливо прячут они в сундуки и подземелья, любовь к ближнему и даже любовь к Россіи, т. к. если они и любят Россію, то только капиталистическую. Но лишь поймут они, что их барышам приходит конец, что их доходам угрожает их богатству, они отказываются от своей родины, готовы ее продать, растлили воздушно-туманные замки. Рухнули мір вымысла, мір лжи и обмана, мір научной мнеологіи, мір научной сказки. Прозвѣлся умственный голус—вокус—да и только. В остальном все осталось по-старому.

Интелл. У вас такое легкое отношеніе к дѣлу. Ваша душа так вѣлика, ни одной трещины в ней нѣт. Ваша душа так сѣльна, как бутылка из-под пива.

Анарх. Это уж мнѣ не в диковинку. Дѣв культурныя революціи, пережил я и на обоих вышел торжествующим побѣдителем. В ранней молодости сгорѣвши к богу бога—так пустынно—пусто одиноко-заброшено чувствовал я себя в этом мірѣ. Но недолго это продолжалось: „дай-сюда" во мнѣ скоро взял верх. Вот поэтѣ, дѣлая вторую революцію, я уже был вооружен знаніем... Знаешь что, вѣдь это все глупость—говаривал я ему— если бы существовала бы, и мы бы дѣлали на него покушеніе, убили бы, безсомнѣнно погиб бы, но так как мы его отрицаем, говорим, что его никогда не было, то так мір рухнуть от этого не может. Ибо как от существо-зал с начала безконечных времен дотолѣ без бога, так и будет существовать и впредь, какія времен ни были бы бога. Это, говорил, может служить отѣтом и на наши опасенія!

Интелл. Я вас не понимаю.

Анарх. Вѣдь это то же самое. Если бы была „природа", прибавишь, а мы бы ее уничтожили, мір сошлись, что мірозданіе рухнуло бы, но так как говорим, что „природы", законообразности, причинности никакой и не было, то ничего, никакого вѣда так умнем не остается, ибо нѣт существовал досѣлѣ, так он существует сейчас и будет существовать впереди.

Интелл. Так по—вашему ничего такого не произошло и впредь не произойдет, значит мы не оказаете от отрицанія науки никаких существенных измѣненій в жизни человѣчества.

Анарх. Конечно, нѣт и нѣт. Все останется по-старому, за исключеніем единичных случаѣв. Способность же, к-ая это бездѣлье и науку сдѣлает достоинем масс и многих творческих личностей, то произойдет коренная ломка всей нашей жизни. Но в особенности эта культурная революція отскоро пая в общественной жизни. Там произойдет что то колоссальное, небывалое. **Парламентаризм** с его многопартійностью, которой служит выходѣлом или ничтожествам, социальной техникой (социотехникой). Вмѣстѣ с ним и будет сдана в архив политика реформ и полумѣр, полумѣчи и топтанья на мѣстѣ, альфа и омега (начало и конец) современной злостью-ности и обмана перед—постепенностью, с-ая является психологія, воспѣваемая громким именем „позитивизм". Умственная лѣность означает смерть социалистическаго марксистскаго обмана, обмана „**Капитал** будущаго". Смерть науки это конец буржуазному утилитаѣльскому обману, на котором только и держится буржуазный мір, мір слез и крови.

Величественный, всеразрушающій, и всесозидающій, в то-же время всепересоздающій будет эта **Культурная Революція**. Вверхъ всѣ низ-ринется, низ станет верх, сдѣлается коренное разложеніе. Их число будет несчѣтно, безконечно, как песчинки в океанѣ, но ни одна изъ этой культурной революціи) **физическая революція.**

Интелл. В этом мѣстѣ я совершенно не разбираюсь. Вы ни-чего интересного здѣсь не увидите, так что вы лишь будете напрасно

Бесѣды с анархистом-философом.

Истинность и торжество техники.

Интелл. Хотя нельзя сказать, чтоб я вполнѣ все понял, но все-что все таки смекаю. Мой ум не берет так глубоко. Но одно мнѣ ясно вы не говорите зря: **отрицаю, отрицаю.** Нѣт и чтобы я понимаю—у вас твердая философская почва под ногами. Вам задѣвая эти карточные домики, которые человѣчество строило, небоялись ихъ разрушать, потому что вы знаете, что культуры (я уж говорю „так называемой", ибо вы меня заранѣи, если не уѣрешься,—для этого у меня не хватает понимания и сѣдости,—то сокрушаемы). Вы хотите строить на гранитѣ—и ни-чего. Мой ум кажется, в пылу и раздраженіи за создѣнныя-под ними обвали вы все похолили, все сокрушили, ничего не оставили камня на камнѣ, ни оруѣй. Меня прежде таки пугает вопрос-ось ли у вас что нибудь уцѣлѣло ли, под удараии вашего всеразрушающаго молоты критики, хоть что-нибудь. Мнѣ кажется ничего нѣт, одна пустота кругом. А вот что главное: сможете ли вы создать новую культуру послѣ вашего культурнаго всеразрушенія, вопрос-сомнѣнія. Не все ли погибло в вихрѣ Культурной Революціи.

Анарх. Да, все вместѣ-взятое, что называлось культурой, что-тогда пренадлежало в развалинам—однако глубокіе подземные фундаменты остались.

Интелл. Да разѣ что нибудь еще осталось. Мнѣ как то не вѣрится.

Анарх: Вѣдь от религіи то что-то уцѣлѣло. В началѣ бог создал небо и землю: „бог—сказали вымыслы, небо — первый разум", земля же все еще твердо истинно-чувственно простирается под нашими ногами. Такіе же истинные чувственно ощущаемые—остали уцѣлѣют, очевидно, и от науки. При том лишь одна часть оруѣй строительства забракованная, выходится из употребленія и заброшена, т. е. идеальная, а другая часть, наоборот, получает, даже так сказать, повышеніе в чинѣ по службѣ их истинѣ...

Интелл. Какія же это оруѣи?

Анарх. А вот какія: **формы мышленія и чувства.** Первыя, оруѣія мышленія, обѣзвлятся лишь **игрушечными**, пригодными лишь для устройства потѣшных домиков, великолѣпных сказочных замков нашей. Вторыя, **чувства**, оруѣія пересоздавія мір вымыслов и мечтаній даже обновленными, с новыми свѣжими, с новой жаждой творчества, с новой увѣренностью в своих силах.

Уцѣлѣла главная, хотя опустѣлая и осиротѣлая по изгнаніи из него духов — богов и молекул—природа, склад материала — это вѣчный мір, остался и истинный праздный основаніи—вѣрдовный судья реальности—это чувство.

Интелл. А у меня создалось впечатлѣніе, как будто все рушится, трещит, небо, земля, все кругом, словом конец свѣта...

Анарх. Напрасно вы так встревожились. В сущности, ту ничего такого особеннаго не произошло. Всѣ наши страхи и ужасы являются лишь каѣзом одной разстроенной фантазіи, это самовнушеніе. Не вселенная содрагалась, не мір рушилъ — содрогалась лишь горе фантазія, лопнули мыльные пузыри научнаго индуктивизма, растлили воздушно-туманные замки. Рухнули мір вымысла, мір лжи и обмана, мір научной мнеологіи, мір научной сказки. Прозвѣлся умственный голус—вокус—да и только. В остальном все осталось по-старому.

Интелл. У вас такое легкое отношеніе к дѣлу. Ваша душа так вѣлика, ни одной трещины в ней нѣт. Ваша душа так сѣльна, как бутылка из-под пива.

Анарх. Это уж мнѣ не в диковинку. Дѣв культурныя революціи, пережил я и на обоих вышел торжествующим побѣдителем. В ранней молодости сгорѣвши к богу бога—так пустынно—пусто одиноко-заброшено чувствовал я себя в этом мірѣ. Но недолго это продолжалось: „дай-сюда" во мнѣ скоро взял верх. Вот поэтѣ, дѣлая вторую революцію, я уже был вооружен знаніем... Знаешь что, вѣдь это все глупость—говаривал я ему— если бы существовала бы, и мы бы дѣлали на него покушеніе, убили бы, безсомнѣнно погиб бы, но так как мы его отрицаем, говорим, что его никогда не было, то так мір рухнуть от этого не может. Ибо как от существо-зал с начала безконечных времен дотолѣ без бога, так и будет существовать и впредь, какія времен ни были бы бога. Это, говорил, может служить отѣтом и на наши опасенія!

Интелл. Я вас не понимаю.

Анарх. Вѣдь это то же самое. Если бы была „природа", прибавишь, а мы бы ее уничтожили, мір сошлись, что мірозданіе рухнуло бы, но так как говорим, что „природы", законообразности, причинности никакой и не было, то ничего, никакого вѣда так умнем не остается, ибо нѣт существовал досѣлѣ, так он существует сейчас и будет существовать впереди.

Интелл. Так по—вашему ничего такого не произошло и впредь не произойдет, значит мы не оказаете от отрицанія науки никаких существенных измѣненій в жизни человѣчества.

Анарх. Конечно, нѣт и нѣт. Все останется по-старому, за исключеніем единичных случаѣв. Способность же, к-ая это бездѣлье и науку сдѣлает достоинем масс и многих творческих личностей, то произойдет коренная ломка всей нашей жизни. Но в особенности эта культурная революція отскоро пая в общественной жизни. Там произойдет что то колоссальное, небывалое. **Парламентаризм** с его многопартійностью, которой служит выходѣлом или ничтожествам, социальной техникой (социотехникой). Вмѣстѣ с ним и будет сдана в архив политика реформ и полумѣр, полумѣчи и топтанья на мѣстѣ, альфа и омега (начало и конец) современной злостью-ности и обмана перед—постепенностью, с-ая является психологія, воспѣваемая громким именем „позитивизм". Умственная лѣность означает смерть социалистическаго марксистскаго обмана, обмана „**Капитал** будущаго". Смерть науки это конец буржуазному утилитаѣльскому обману, на котором только и держится буржуазный мір, мір слез и крови.

Величественный, всеразрушающій, и всесозидающій, в то-же время всепересоздающій будет эта **Культурная Революція**. Вверхъ всѣ низ-ринется, низ станет верх, сдѣлается коренное разложеніе. Их число будет несчѣтно, безконечно, как песчинки в океанѣ, но ни одна изъ этой культурной революціи) **физическая революція.**

Интелл. В этом мѣстѣ я совершенно не разбираюсь. Вы ни-чего интересного здѣсь не увидите, так что вы лишь будете напрасно

вали или получения ее ими по качеству не дает нам нравственного права называть ее, как собственностью. Своего такого права и у домовладѣльцев. Отдельная земля необходима для жилищ людей, то в нашем климатѣ и дома необходимы.

Нельзя, далѣе, смотрѣть на жилищь, как на предметы личного потребленія. Правда, в не работающій человѣк нуждается в жилищѣ, но и работающій человѣк вовсе не всегда нуждается в особенно большомъ жилищѣ. Напротивъ, зимою, когда работающій человѣк вынужденъ жить подъ открытымъ небомъ в теченіи зимних мѣсяцев и производство стало бы невозможнымъ, если бы не было возможности жить в закрытомъ помѣщеніи. Отсюда ясно, что потребность в жилищѣ, по ея существу, не безграничная, а имѣетъ опредѣленную границу, которая не можетъ быть перейдена безъ ущерба для производства.

Ясно, что дома, сдаваемые подъ квартиры, а также и другія помѣщенія, не приносящія извѣстнаго дохода, не должны служить предметомъ частной собственности, а должны быть переданы въ общественное владѣніе, как и земля.

Если собственность на землю не позволила одним людям работать на землѣ, а из других взяла деньги в пользу бездѣльников, то равнѣ собственность на дома не оставляет часть людей без жилища и, в особенности, без сносного жилища и развѣ домовладѣльцы не эксплуатировали труд своих квартиронанят, дѣлая вычеты из их заработка? Вѣдь совершенно безразлично — с квартирах или безъ квартир, гдѣ либо на заводѣ — работали вы квартиранты.

Пока дома будут принадлежать немногим, многіе будут вынуждены или жить на почвѣ жилищной нуждѣ. Почему же нѣкоторые имѣютъ этой нуждѣ эксплуатацій. Быть можетъ, вы думаете, что мы сдавали в наем землю, как сдаем в наем дома домовладѣльцы? Они бываетъ и нам сдавались большую часть земли. А сдали ли мы ее? Конечно, нѣтъ. Мы ее отобрали у помѣщиков, обложили большим налогом и передали ее крестьянам, которые и пользуются ею безъ всякой платы.

Вы не можете предъявить ни одного такого довода в пользу домовладѣльцев, как эксплуататоров, а мы можем указать вам на то, что доход этих эксплуататоров гораздо болѣе в отношеніи характер, чѣм доход помѣщиков, потому что доход помѣщиков, получаемый своею земле, сбрасывается трудом тех, которые ближе к ростовщическому дохоу и, как и последній, является остѣи уже не трудовым.

Если уж отбирать в общее владѣніе источники нетрудового дохода, то начинайте вы не с земли. Указаніе на то, что дома не являются средством производства только не имѣет значенія, в просту является несерьезным оправданіем вашего промаха. А дѣлать вы должны были врагами всякаго произвола.

С точки зрѣнія „рабочаго социализма“ нѣт и не может быть возраженій на приведенное разсужденіе. Безполезность и вредъ для общества домовладѣлец, невозможность по справедливости допустить собраніе них трудящихся—вполнѣ очевидны.

Трудовой народ начинает понимать, что дома не должны оставаться частной собственностью.

„Да большинство рабочих же (и многих маленьких) рабочие приходят погромому к убѣжденію, что жилые дома в дѣйствительности нисколько не составляют собственности тѣх, кого государство принимает их собственниками, а что дѣйствительными собственниками всѣх жителем города“... „Не собственник строит дом: его строили, украшали и отдѣлывали сотни рабочих, которых голод толкал на работу, и вообще никогда существование дома не могло бы состояться безъ этих заработков. Деньги, затраченныя этим якобы собственником, точно также не были продуктом его труда. Он выложил их тѣх, как выколотили всякое богатство, с упомянутых рабочих, которые трети и даже половину того, что они сработано“ (Кропоткин).

Ф. Лассаль говорил, что „в социальном отношеніи мір стоит перед вопросом, должно ли существовать человек, который имѣет право на непосредственное пользованіе другим чел.ѣком (или работой и кровь стяжества),—право эксплуатировать его при посредствѣ чего либо“. Отвѣт на этот вопрос для нас ясенъ—такое положеніе, осуществленное теперь при посредствѣ собственности на землю, дома, фабрики, товары, продукты, не должно существовать.

Общество будущаго не будет брать арендной платы за жилища и они самым сбѣжает крупнѣйшее в экономическомъ равенствѣ. Общество не будет терпѣть такое неравное, при которой часть людей будет жить в хорошихъ, другая—в очень плохих квартирах. Благодаря отсутствію такого неравенства, при котором семейство работаго в шесть человѣк будет жить в двух комнатах, семья инженера в три человѣка—в пяти комнат, будет избѣжать многих проявленій зависти, злоб и споров.

Ясно, что дома, сдаваемые подъ квартиры, а также и другія помѣщенія, не приносящія извѣстнаго трудовой доход, собственности, а первую голову должны перейти в общенародное достоянія.

Я. Молотов.

Углаготворили!..

23-го ноября команд линейнаго корабля „Гражданин“ Центробалтом был объявлен отпуск в виду ухода на пенсию тяжелой службы в Рижском заливѣ.

Когда команда собралась к отъѣзду на всеобщаго встрѣтила рѣзкое сопротивленіе со стороны Центробалта, который говоря от своих выборных лиц.

Это тѣм болѣе странно, что товарищи отгуда говорили когда-то, что они будут там исполнить лишь волю команды, защищать ея интересы, а теперь мы ясно видим, что они исполняют не нашу волю, а волю тѣх, кто у власти находится.

Поэтому, команда уполномочила отправля. вѣрных своему слову рѣшат на нечестно тяжелой службы, если Центробалт не разрѣшит отпуск, все-же уѣхать с общаго согласія всего своего состава.

Она страшно возмущена подобными дѣйствіями своих выборных лиц, которые не исполняют волю их избравших, а всецѣло занимаются проведеніем в жизнь своих партійных интересов и интересов капитала имущих.

Ясно, так как их интересы совершенно противоположны нашим, то ясно—тѣх, кто идет против нашихъ интересов в своих организаціях сорвіть не можем. Это можетъ сдѣлать только наш товарищам. Нужно бить в то, что внѣшняя власть, даже и рабочая, не может защитить интересы трудящихся, потому что институт власти полонен самъ насилиа, а потому он неспособен. Т.ько тогда, когда вновь властныя учрежденія будут уничтожены и на их мѣстѣ созданы новыя не властныя, а лишь исполнительныя органы, только тогда исчезнут такіе инциденты, как наши и ему подобные.

Матрос Шутков.

О государственных думах, парламентах, учредительных собраніях.

Освобожденіе рабочих—дѣло самих рабочих, а не депутатов.

Вопрос о роли парламентов в дѣлѣ свержения рабочаго класса должен разрѣшен фактом использованія имѣющагося уже лицо интереса. Каждый раз, когда этот вопрос разсматривается с партійной точки зрѣнія, каждый раз, когда его разсматривают, стараясь найти, какое отношеніе депутаты могут содѣйствовать построѣтву общества на социалистических началах, мы—сторонники рабочаго социализма—видим всѣх с простой точкой зрѣнія и разсматриваем его, как временное явленіе—отжившее свой вѣк, но сколько отжившее его современный строй буржуазнаго общества. Были и такія формы, парламент представительства, которыя теперь уже отжили свой вѣк, но сохранились в силу инерціи, как напр. монархія, которая в Англіи существует только для проѣзда, а в Германіи—для парада. Такой же вопрос, должен ли парламентаризм совсѣм исчезнуть, или только обосновавшіе совѣты, не должен ли издавать обязательные законы. Тѣм болѣе, не должны издавать обязательные законы депутаты парламента, а только депутаты парламента могут содѣйствовать изученію и разрѣшенію вопросов, а не тѣх вопросов, обязательное рѣшеніе которых дается ими законах.

Часть анархистов убѣждена, что трудящіеся могут достигнуть нужных для них с помощью депутатов, иначе, как с оружіем в руках. Другіе анархисты—послѣдователи Л. Н. Толстого—возлагают надежды на всеобщую иирнуто забастовку, принуждающую правительство и капитал. Они добиваются полнаго отказа правительств, отказываются повиноваться правителям и жить чѣм либо помочь им.

Как тѣ, так и другіе анархисты знают, что парламент и не может освободить рабочих масс.

Революціонные синдикалисты, большей своей части, тоже видят

*) „Мы видим в нем (т. е. государственном) учрежденіе, которое в теченіи всей исторіи человѣческаго общества служило для подавленія большинства угнетенных, для эксплоатаціи этого большинства меньшинством, для сохраненія в руках этого меньшинства власти и средств для управленія большинством. Государство, как учрежденіе, которое имѣет своею цѣлью поддержаніе такого положенія, должно быть уничтожено“ (Анархія, ея философія, ея идеал. Кропоткин).

Соціал-предатели.

Соціалистическая учения приобрѣли громадную популярность и тѣмъ самым вызвали крайнюю пристрастность. Это тот самый судья, который приговорил Бекера и больного Крамера к заключенію и каторжным работам за то, что они распространяли свой трактат о революціонных воззваніях против войны. Самая остатая публика, — и та негодовала на такое гнусное по логикѣ и справедливости. Всѣх судей стали отказывать отъ их обязанностей для приготовленія апелляціи, на что они имѣли право. Одни из консервативных газет писали, что „Бекер и Крамер обѣ были преданы суду, виновны и осуждены на каторжныя работы, но они не должны нести наказанія за свой образ мыслей“. Газета Берлина обѣ были преданы суду, виновны и осуждены, но они не должны нести наказанія за свой образ мыслей“. Газета Берлинскій Локаль-Анцейгер—это испугался, и не осмѣлился отмѣнить приговор, но приостановил исполненіе наказанія, и судья должен был вынужденно писать, какими из этого основаніи срока“.

Судья в Берлинѣ обѣ были преданы суду, виновны, но приговорил их послѣ сорока-минутнаго совѣщанія „примѣнить“, какъ законъ говорит, т. е. вынесенія приговора на другой день, они были освобождены. Однако, несмотря на это, в Германіи, в особенности в Берлинѣ, положеніе рабочих самое плохое, настоящее „осадное положеніе“).

Наши революціонеры, процесс Мурзи и его сотоварищей, представителей западных профессіональных союзов, сейчас приговорѣнных к ужасающим наказ. Каждый—кто только осмѣлился осуждать войну или ея виновников и продолжать организаціонную работу, называют анархистами**) Вчера, вчерашнѣ, был совершен налет на один профессіональный союз, и 60 бастующих рабочих были схвачены, брошены в тюрьмы, отвезены и пустыню и оставлены там без пищи и воды на произволъ судьбы. Далее наш премьер Вильсон выразил свой слабый протест губернатору штата Аризоны, гдѣ это произошло, но до сих пор их участь еще не изслѣдилась.

На слѣдующей недѣлѣ подлежат приговору 925.000 молодых людей, которые распространяли о том, как все это ужасно для людей, и как и глубоко несчастна.

Что-же касается похожих заключенных, то это вещь почти невозможная. Дѣлаю все от меня зависящее, я сумѣл спасти очень мало в Англіи, и то только потому, что дѣло было в самом началѣ войны, и я имѣл возможность воспользоваться моим личным положеніем. Но и тогда, когда дѣло касалось рабочих, я встрѣтил самое упорное сопротивленіе. Я не могу сказать, что англійскій народ не сочувствует нашему дѣлу, и судья, который приговорил меня к каторжной тюрьмѣ добавочным наказаніем 10.000 дней, т. е. день за каждый долларъ. Можешь себѣ представить такого судью несчастной и себялюбивой женщины, которая, приговаривая к каторжной тюрьмѣ добавочным наказаніем 10.000 дней, т. е. день за каждый долларъ, потребовала, чтобы я был действительно наказан. Однако, в Америкѣ, как и в Германіи, нѣт недостатка в протестующих. Даже такой сенатор, как Ла Фоллет, и конгрессмен Мейер Лондон, оба социалисты, выразили свой протест против этого приговора. Протестуют они также и против приговора Берлинскаго суда. Они говорят, что „Америка, как и Германія, должна быть страной, где свобода слова существует для всѣх“.

Однако, несмотря на это, в Америкѣ, как и в Германіи, положеніе рабочих самое плохое, настоящее „осадное положеніе“).

Наши друзья в Англіи, Германіи, Швеціи и Норвегіи обѣщают, что они будут работать для нашего освобожденія, но они не могут ничего сдѣлать, потому что они не имѣют никакой власти. Они могут только протестовать, но это не помогает. Они могут только просить, но это не помогает. Они могут только молить, но это не помогает. Они могут только плакать, но это не помогает. Они могут только умирать, но это не помогает. Они могут только...

Ах, нѣт, они могут еще многое, они могут сдѣлать все, что в их силах, чтобы помочь нам, но они не могут освободить нас

забот, тем, по только этот союз вынашивает ее интересы рабочих, а администрацию ея, капиталистов. На и члены то совѣта администрации, да еще какая. Председатель совѣта главный механик Путилов, его помощник доктор Нейман. Да еще администратор Вагур, (когда то полякъ, высланный не теперь юрисдиктій кн. капиталистами подстроил чтобы крылышки). Вот эта теплая компания принадлежит к партіи „Единство“ и благополучно одурачивает бѣдных рабочих.

Есть и „большевики“, но что-то большевики, если только название. И почти, что было до революціи, то и сейчас во время революціи такое администрація, такіе категорные порядки. Старый мастер Берг, который работал у нас тому назад меня, автора этих строк, засадил в тюрму за одно стихотвореніе, этот душитель и издѣватель надъ рабочих последніих временъ все остается на своем мѣстѣ, все также угнетает рабочих разными способами, но только теперь с маской „демократической“ одеждой. Да и может-ли быть иначе, когда на защитѣ этих душителей стоит Совѣт.

Рабочіе бунтовались, чувствуя на своей спинѣ ихъ господство, но сдѣлать ничего не могут—ужъ слишкомъ хорошо могут красноречивать.

Во время октябрьскаго переворота мнѣ пришлось выступить въ одном собраніи рабочих. Всѣ эти „Единства“ собрались въ Единствѣ и меня, на анархистов и меньшевиков направленія прямо на избіеніе.

По счастью рабочіе, знав мою прежнюю жизнь и долголѣтнее сидѣніе по тюрьмам за дѣло народа, внимательно и почтительно до оскорбленія словом и дѣлом.

Рабочіе фабрики „Сокол“, поразвяться за тѣ, разъ взять устройство своей судьбы в собственныя руки, и знайте рабочіе, что эти господа из „Единства“ не улучшат ваше положеніе, пока сами вы не улучшите. И когда грянет гром надъ нашими головами общей экономической катастрофы, тогда уже крестьяне будут поздно. Нужно подготовляться и готовиться немедленно, работая и вне работы. Капиталистов уже встаетъ в свои мѣстѣ права. Государственный капиталовый крах надвигается. Это неизбѣжно стегнет и нас рабочих. И тому ведут наши Вагуры, Годневы и проч. рабочіе. Вы должны знать рабочіе, что долго-ли, коротко-ли для нас будут только два выхода: выдти на поротъ и смириться с надвигающимся голодом, или взять производство фабрики в свои руки. Но это-бы придти к последнему, вы должны немедленно приступить к чистѣ вашим рабочих организацій и с вашим рѣшительным способом принятся за перестройство всей вашей хозяйственной и производственной системы. Вы должны отстранить всѣх администраторов „при временномъ Керенскаго“ из совѣтов и комитетов, а они почти все принадлежат буржуазному правительству, и выбрать тѣх из ваших товарищей, которые не продадут ваши интересы за буржуазную монету. И чѣм вы это сдѣлаете, тѣм будет лучше, а то будет поздно.

А. Ф. (Алексѣй).

Педагогика молодежи.

Вырожденіе школы.

Школьный институт вырождается, дробится и сам по себѣ. Вмѣсто того, что-бы давать людям школьныя знанія и образованіе и воспитывать людей для жизни, людей практики она только сбивает людей слова, людей мудрствующихъ.

Вѣдь это-же, чтоб обучать рѣзчиков, резцовых, ушлых, практических усовершенствованию, которая одна только находится в постоянной неразрывной связи с жизнью, которая одна только имѣет прямой доступ к ней, каждому все-же, изучая ее, которая одинъ только безусловно необходимы и нужны в жизни, и борьбѣ человѣка за существованіе. Это пантехника, т. е. всѣ вмѣ, в роды занятій, способов профессій, ремесел, умѣній, операцій в одном совокупности, что принято обозначать словом „практическій и культурой“, которая, в сущности, является началом и концом цивилизаціи, „вѣчно человѣческое“.

Вмѣсто всего этого, т. е. вмѣсто жизни, она, школа, даетъ зеркало жизни да и тому, кривое; даетъ книгу религіи и науки. Вмѣсто самаго мира, разсуждение, идущее отвлеченно о мірѣ.—Вмѣсто физической и социальной среды она дает питомцу горы — труды законов, которыя в лучшем случаѣ, являются утонченными утѣшеніями человѣческаго интеллекта. Философія—вещает на науку, наука вѣщает на искусства, а искусство только плюет на жизнь. Искусство такъ-же, какъ и наука, оно, так сдѣлалось, выше познанія над истиной. Оно не ищет истины, т. е. такого познанія, которое стремилось бы к соотвѣтствію дѣйствительности, поэтому что оно изначало с дѣйствительностью, конструирует с ней практика всегда соотвѣтствует дѣйствительности, т. е. практикѣ, т. е. самой себѣ. Как Кант выдумал свой Ding ansich, Гегель—Ding hinein. Наука же, как и религія, есть только абстракція, и поэтому в самом лучшем случаѣ не имѣет прямой связи с жизнью и приближает для общенія с нею к ней, а, слѣдовательно, школа, которая должна воспитывать для жизни, для практической, для практики. Бог жизни, не есть Богъ мертвых абстракцій науки, а Богъ живых дѣлателей.

Но пусть даже не согласятся с нами крайніе требованіе, что объектом школы должна быть практика, искусство, и наука, как физіософія и религія должны быть средствами, орудіями, но даже с этой мыслью не согласятся, что во всяком случаѣ должна же пантехника, изученіе жизни, штудированіе дѣйствительности, практика предшествовать наукѣ, идти впереди теоріи. Въ ея познавательных и послѣдовательность, соблюдаемая по отношенію к наукѣ и философіи должна быть обязательна, послѣдовательности ради, и для изученія и науки. Должны быть сперва практика, а потом теоріи, а затѣм лишь базировать на них. Первыя, искусства предшествуют послѣдней наукѣ даже во времени провозженія. И это предпосылаю вышло бы подержательно и рационально—генетическим методѣ.

Далѣе, это требованіе предпосылание пантехники наукѣ, в сущности, опирается на всю современную педагогику. В самом высокаторном учебномъ педагогѣ найдете формулированным законом, „от частнаго к общему“, от конкретнаго к абстрактному от внѣшнего-чувственнаго к рациональному,—переходы на наш языкъ от пантехники-практики к теоріи, т. е. практическаго к теоретическому. А что болѣе „частное“, чѣм искусство (пантехника), что конкретнѣе техники, то болѣе эмпирическія, чѣм практика.

Слѣдовательно, вся современная школа, предполагающая теорію практикой, идет в разрѣз со всей педагогикой, не отвѣчает самым элементарным требованіям, самым общепризнанным принципам педагогики.

Кто виновник всего этого?

Это вопрошеся развитіе, отсутствіе, которое, в сущности вырождение.

Вѣдь извѣстно, как исторія культуры дала развитіе, совершенствованіе, выработала было обстановку практически. Воспитаніе было тѣсно связано с жизнью. Старое было вѣрно, что необходимо собственно „вѣрное“ должно дорожить разъ высоту, чѣм слѣпой грубой гибели в нашу многострадальную народную эпоху от голода и холода. Причем говорим по многимъ событіям, что при наличіи каких-нибудь в жизнедѣятельности, дѣятельности которых необходимо сохранить.

3. Для подъема продуктивности

Желѣзнодорожники и транспортъ.

Общее собраніе паровозных бригад мастерских и рабо их 8-го участка службы тяги Сѣверо-западных дорог, насущностью вопрос, поднимавшій в газетѣ „Социалистическая Правда“ от 12 ноября 1917 г. за № 76, в которой мы присылаем нас, желѣзнодорожников, принять участіе в творческой работѣ по установленію правильного рабочаго контроля, единодушно постановили:

1. Бороться всѣми силами с желѣзнодорожной разрухой и принять всѣ и от всѣх наш труд в самых, самых разъяснимых, самых трудно за работу, по улучшенію общегороднаго хозяйства: вы сами

Телеграммы.

ТЕГЕРАН, 23 Ноября (ПТА). Кабинет вновь подал в отставку. Между англичанами и кабинетом крикнул, а также всѣдствіе назначенія нѣсколькихъ губернаторов лично шахом без участія министра внутренних дѣл. С разных мѣстностей о голодных бунтах. Оживление крупные беспорядки. В Тегеран и Астрабадѣ прибыло 5 сотен холодной сестры. Получено почт 6).

ЛИССАБОН 10/27 Нояб. (ПТА). Президент Республики назначил министров нѣкоих дѣлократов и вождей революціонной партіи и нѣкоих членов Конституціонной и нѣкоих членов Конституціонной Комитет республиканской партіи. Предполагается, что Революціонный Комитет распустит парламент.

ЛИССАБОН 10/27 Нояб. (ПТА). Образованіем в Осорио революціонным комитетов по Португалии. Туземное Посл. в Кортесе. Перед крупным комитетом Осорио. Осложнения в Португалии. Осложнения в Осорио. Осложнения в Осорио. Осложнения в Осорио